

Глава 13. Храм Синчжи (13) Низкий поступок

—
Увидев, что Линь Цзыкуй, оглядываясь через каждые три шага, зашёл в комнату, маркиз Сяо довольный пошёл прочь с грушевыми конфетами в руках. Его ладонь всё ещё хранила тепло, будто в ней осталась температура пальцев Линь Цзыкуя.

Неожиданно вспомнив глаза Линь Цзыкуя, Сяо Фу сел и написал письмо, свернув его и привязав к тонкой лапке почтового голубя.

Юаньцин нерешительно спросил: «Господин отправляет письмо третьему господину? Это... что-то о дворце? В это время третий господин не может приехать в Цзиньлин, верно?»

Сяо Фу покачал головой: «Третий брат – лекарь. Возможно, у него есть какое-нибудь народное средство для глаз Линь Цзыкуя».

Юаньцин был немного удивлён, но ничего не сказал. Маркиз слишком уж заботился о господине Лине, как будто всерьёз вжился в роль второй госпожи Сяо.

На следующее утро Линь Цзыкуй почистил сапоги с узором цилиня, принадлежавшие Сяо Фу. На самом деле они были чистыми, он просто привёл их в порядок и повесил сушиться под карнизом. Мо Лю, увидев эту обувь, покачал головой: «У нашей второй госпожи ступни, как у взрослого мужчины. А когда она не смеётся, у неё очень суровое лицо. Неудивительно, что она постоянно одевается в мужскую одежду. Если однажды вторая госпожа признается, что она мужчина, я не удивлюсь».

Линь Цзыкуй рассмеялся: «Детский лепет. Разве могут быть на свете такие красивые мужчины?»

Если бы вторая госпожа не отличалась от обычных женщин, то, вероятно, три года назад чиновник Сяо не согласился бы на этот брак с семьёй Линь. Но хорошо, что всё так сложилось, иначе он бы не встретил госпожу Чжао Лин.

В этот день Линь Цзыкуй наконец решился надеть ту самую накидку из «кроличьего меха». Он переоделся, когда Мо Лю ещё спал, и один проходил мимо восточного гостевого зала, где увидел троих мужчин, тренирующихся с голым торсом, и поздоровался с ними.

Юань, высокий и крепкий мужчина, подошёл: «Господин Линь, с утра пораньше, в трапезную?»

«Я иду в павильон Цинсинь повидаться с одним даосом... А госпожа, она, кажется, ещё не проснулась?» Он привстал на цыпочки, но ничего не смог разглядеть.

«Ещё не встал. Мой хозяин... мой хозяин, он просто любит поспать».

Линь Цзыкуй выдохнул облачко пара и спросил: «Брат Чэнь, в тот день вы сказали, что вторая госпожа любит вино. А что ещё она любит, кроме вина?»

«Хм... любит слушать музыку».

«Слушать музыку...» Линь Цзыкуй вспомнил, что неплохо играет на цине*, но не взял его с собой в Храм Синчжи.

[*Цинь (琴, Qín) — общее название ряда струнных музыкальных инструментов, распространённых в Китае. Наиболее известны семиструнный цинь — цисяньцин (七弦琴 гуцинь) и двухструнный смычковый матоуцин. В классическую эпоху под цинем прежде всего подразумевали «древний цинь» (гуцинь), считающийся одним из немногих исконно китайских инструментов.]

«А что она ненавидит больше всего?»

Юаньшу ответил: «Конечно, больше всего она ненавидит учиться, читать книги, а также людей, которые сочиняют стихи, выставляют напоказ свою элегантность и кичатся учёностью. На самом деле, больше всего в жизни она ненавидит учёных».

Выражение лица Линь Цзыкуя застыло.

«Но ведь раньше она читала мне «Дао Дэ Цзин»...»

Юаньшу, глядя на него, добавил: «Вы — исключение».

Да, он действительно исключение. Господин даже велел ему почистить сапоги для господина Линя.

Глаза Линь Цзыкуя заблестели от этих слов.

Юаньшу оглянулся на него и спросил: «А где слуга господина Линя? Он не провожает вас?»

Линь Цзыкуй всё ещё думал о его словах и ответил: «В эти дни он плохо спал, поэтому я не стал его будить».

Юаньшу сказал: «Тогда я провожу вас в павильон Цинсинь. Где он находится?»

Линь Цзыкуй ответил: «Не беспокойтесь, брат Чэнь, я сам спрошу у проходящего мимо даоса. Кстати, это чайные яйца». Линь Цзыкуй отдал Юаньшу мешочек. «Они ещё горячие».

Юаньшу сначала хотел отказаться, но, почувствовав прекрасный аромат, смущённо взял их.

Павильон Цинсинь*, как и следует из названия, был тихим и изящным, построенным посреди леса и скрытым в деревьях. Среди золотисто-красных опавших листьев Линь Цзыкуй поднялся по боковой лестнице и увидел приоткрытую дверь. Он постучал дважды, но ответа не последовало, и он вошёл.

[*Цинсинь (清心, qīngxīn - очистить сердце; чистые помыслы.]

Это была библиотека даосского Храма, а значит, даосы могли туда заходить.

Линь Цзыкуй, неся за плечами коробку с книгами, тихо вошёл. Сквозь оконные решётки пробивались лучи утреннего солнца. Линь Цзыкуй увидел сидящего у окна даоса, который склонив голову, читал книгу.

«Даос Линьбо?» Линь Цзыкуй опустил коробку, достал пачку сочинений и подошёл, тихо говоря: «Я Линь Цзыкуй. Несколько дней назад даос Линьъюань, должно быть, говорил вам обо мне. Я родом из уезда Фэнтай, что в Хуайнани, приехал в Цзиньлин для сдачи экзаменов. Так как мой слуга охрип, я хотел бы спросить, найдёте ли вы время, чтобы вместе со мной

позаниматься?»

«Вот мои сочинения. И, кстати, я принёс даосу куриные ножки». Линь Цзыкуй положил статьи на стол и достал из коробки тушёные куриные ножки: «Я разогрел их сегодня утром, они ещё тёплые».

Даос был уже в годах, с седыми волосами. Глаза от старости были прищурены, черты лица опустились, а по бокам носа залегли глубокие носогубные складки. Когда он сидел, его хрупкая фигура излучала молчаливое достоинство.

Даос не произнёс ни звука, но его взгляд опустился на рукав серебряной накидки Линь Цзыкуя, где был маленький узор цвета лунного света.

Выражение глаз даоса слегка изменилось, и он поднял взгляд на Линь Цзыкуя.

Линь Цзыкуй почтительно стоял в стороне: «Даос Линбо, вот куриные ножки, сочинения и книги. Не знаю, говорил ли даос Линъюань, что я пришёл к вам, потому что не могу долго читать».

Даос наугад взял одно из его сочинений, и его голос оказался очень хриплым: «Как твоя фамилия?»

Услышав его голос, Линь Цзыкуй внутренне удивился: у этого даоса голос был ещё более хриплым, чем у Мо Лю.

Но он всё же ответил: «Моя фамилия Линь, Линь Цзыкуй. Я только что... говорил».

«Какое у тебя отношение к человеку по фамилии Янь?»

«Янь?» Линь Цзыкуй немного подумал и серьёзно ответил: «В академии Интянь я знаю одного господина Яня».

Даос больше не смотрел на него и не произносил ни слова, уставившись на его статьи.

Затем он глухо произнёс: «Долгое время мира, и люди не знают войны. Учёные, держась за кисть, спорят о литературе и избегают разговоров о войне. Те, кто унаследовал военные чины, часто становятся высокомерными и ленивыми... Почему Чжугэ Кунмин в битве при горе Цишань, столкнувшись с двухсоттысячной армией Сыма И, одержал великую победу, в то время как в лагере Люйчжун все укреплялись и не вступали в бой, и также добились успеха?»

Линь Цзыкуй снова опешил, но быстро ответил: «В битве Чжоу Яфу против царств У и Чу, когда У яростно нападало на Лян, Яфу укрепился и не выходил, зная, что, если есть доверие, то не будет обмана. Кунмин поступил так же».

Так он спрашивал о долговечном способе поддержания власти.

Даос: «Сунь Бинь нанёс поражение Чжао и Вэй, но почему он усилил Чжао, чтобы разбить врагов в Уду?»

Линь Цзыкуй спокойно ответил: «Сунь Бинь сказал, что тот, кто проходит сто ли ради выгоды, одолеет верховного полководца. Пан Цзюань был жадным до выгоды и преследовал, что является табу в военном деле. Засада с арбалетами, стреляющими ночью, застаёт врага врасплох. Вот почему Бинь победил. Юй Сюй сказал, что враг, видя, что мы усиливаем...»

Они так и продолжали, задавая вопросы и отвечая на них. Солнечные пятна на полу постепенно перемещались по деревянным доскам. Линь Цзыкуй, который стоял, теперь сел и красноречиво говорил: «Тот, кто хорошо нападает, заставляет врага не знать, что ему защищать. Тот, кто хорошо защищается, заставляет врага не знать, куда ему нападать».

На все вопросы даоса он отвечал, почти не задумываясь. Он говорил так долго, что у него пересохло в горле, но он даже не встал, чтобы выпить воды.

Даос сказал: «У тебя оригинальные взгляды, но твои статьи написаны плохо». Он посмотрел на Линь Цзыкуя: «Ты ненавидишь багувэнь?»

Линь Цзыкуй на мгновение застыл, затем кивнул: «Да».

«Тогда зачем ты их пишешь?»

Линь Цзыкуй сидел прямо и ровно, свет падал ему на плечо, делая его похожим на зелёный бамбук: «Все знают, что багувэнь – это всего лишь ступенька. В конечном счёте, это нужно для того, чтобы стать чиновником. Я это тоже знаю, но когда я пишу их с таким настроением, они, конечно, получаются плохо».

Даос спокойно произнёс: «Когда ты станешь чиновником, ты узнаешь, какая там грязь, и в конечном счёте сам станешь таким же».

«Живя в грязном мире, сам остаёшься чистым». Линь Цзыкуй произнёс каждое слово: «Один человек творит зло, и страдают тысячи. Чиновник ранит людей и разрушает нравы. Но свергнуть их всё равно может только чиновник».

Солнце становилось всё ярче, и у двери раздался скрип.

Растрёпанный даос вошёл, зевая и принюхиваясь: «Куриные ножки! Я их издали учуял. Эй, учёный, это ты, что ли?» Старый даос указал на Линь Цзыкуя: «Где куриные ножки, которые ты мне принёс? Где они?»

Линь Цзыкуй мельком взглянул на него, увидев размытый силуэт даоса в серой рясе. Он приоткрыл рот, снова посмотрел на даоса, который сидел перед ним уже около часа с каменным лицом.

«Даос... Линбо?»

В итоге растрёпанный даос радостно подошёл и протянул руку: «Я даос Линбо. Учёный, куриные ножки?»

Линь Цзыкуй указал: «...Вы даос Линбо, а тогда...»

И тут он понял, что ошибся!

Конечно, это была не первая его подобная ошибка. Даос напротив него в этот момент встал, опустил брови и обратился к Линь Цзыкую: «Ваши многословные и красноречивые речи показывают, что у вас есть таланты и знания».

Линь Цзыкуй тут же встал и поклонился, сложив руки: «Один день разговора с вами стоит десяти лет чтения. Осмелюсь спросить ваше имя, даос?»

«Цзэу». Сказав это, даос Цзэу развернулся и ушёл. Широкая даосская ряса развевалась на его

худощавой и прямой спине.

А настоящий Линбо, тем временем, уже принялся за куриные ножки и спросил его: «Учёный, ты хочешь, чтобы я тебе читал? Что читать?»

Восточный гостевой зал.

Цзинь Цзунь сидел на карнизе и грыз грушу.

Сяо Фу, одевшись, вышел из комнаты. После дождя вышло солнце, которое заставило его прищуриться.

В такую прекрасную погоду он должен был бы пойти к господину Линю и уговорить его пойти в горы за мандаринами.

«Господин, тот старый даос, за которым вы велели мне присматривать», — Цзинь Цзунь спрыгнул с карниза, — «Он в павильоне Цинсинь».

В ладони у Сяо Фу была серебряная грелка: «Ты воспользовался его отсутствием, чтобы поискать что-то? Нашёл?»

Цзинь Цзунь покачал головой: «Нет».

Сяо Фу ожидал этого и подумал: «Где же этот старик мог спрятать такую вещь, как тигриная печать...»

«Но», — добавил Цзинь Цзунь, — «учёный тоже был в павильоне Цинсинь, вместе со старым даосом».

Сяо Фу поднял глаза, и его зрачки расширились: «Линь Цзыкуй? Вместе со старым даосом? Что они делали?»

Цзинь Цзунь: «Разговаривали».

«О чём говорили?»

Цзинь Цзунь покачал головой: «Я не понял и не запомнил».

«Как долго говорили?»

«Долго, больше... часа».

Час – это немало. Спрашивать Цзинь Цзуня бесполезно, лучше спросить самого Линь Цзыкуя.

Сяо Фу уже собирался выйти, когда Юаньцин вернулся с обедом: «Господин, будете обедать? Есть чайные яйца».

«Не буду».

«Их прислал господин Линь».

Маркиз Сяо остановился и повернулся: «Чайные яйца?»

«Да».

«Тогда дай одно».

Поскольку Сяо Фу ничего не чувствовал на вкус, его было легко накормить. Когда он был в поездке, ему не нужен был повар. Изысканные блюда и простой хлеб для него были одинаковыми.

Сяо Фу очистил яйцо и пошёл искать Линь Цыкуя. Когда он уже был у павильона Цинсинь, по стене пробежала полосатая кошка. Под мерцающими лучами света среди бамбуковых листьев она высоко подняла хвост и несколько раз мяукнула ему.

«Мяу?» Сяо Фу, держа в руке чайное яйцо, мягко произнёс: «Хочешь есть, мяу-мяу?»

Полосатая кошка подошла к нему на два шага. Сяо Фу покачал головой: «Нет, тебе нельзя. Это Линь-лан приготовил для меня. Если я отдам его тебе, что я буду есть?»

Неподалёку, только что спустившись из павильона Цинсинь, Линь Цыкуй увидел Сяо Фу в чёрной лисьей шубе, красивого, как нефрит.

Вторая госпожа?

Хотя он плохо видел, но узнал её. Он уже хотел окликнуть её, но услышал, как Сяо Фу серьёзно разговаривает с кошкой, слегка наклонившись и мяукая ей. Безупречный профиль, а также пушистый воротник из лисьего меха, подчёркивали её брови, как «шёлковая нить», и глаза, как звёзды.

На мгновение Линь Цыкуй был поражён.

Вторая госпожа, неужели она действительно перевоплощённое животное? Кажется, она действительно может общаться с животными.

Линь Цыкуй стоял неподвижно, наблюдая издалека. Но Сяо Фу был не так прост. Он давно уже услышал шаги Линь Цыкуя и ждал, когда тот подойдёт, но Линь Цыкуй всё не двигался.

Сяо Фу отломил кошке маленький кусочек желтка, и только потом повернул голову, будто только что его заметил. Он улыбнулся и позвал: «Линь-лан, иди сюда».

Линь Цыкуй, неся тяжёлую коробку с книгами, побежал к ней под полуденным солнцем.

Коробка была такой высокой, что могла закрыть его от солнца. На нём была светло-зелёная шляпа, белая мантия из хлопка с узором, а поверх – серебряная накидка, подаренная Сяо Фу.

Если не считать той шляпы, которую носили только даосы, то этот учёный с его изящным лицом и элегантным поведением, одетый таким образом, на семь-восемь баллов походил на молодого господина из Цзиньлина.

Когда Линь Цыкуй подошёл, полосатая кошка убежала. Он видел эту кошку в главном зале, она жила в храме богини Гуаньинь и не давала себя трогать.

Сяо Фу, не задумываясь, помог ему взять коробку: «Как долго ты там стоял и смотрел на меня?»

«Недолго, всего минутку», — Линь Цыкуй не дал ей взять коробку. «Мои книги тяжёлые, вторая госпожа, я сам справлюсь!»

«Такая тяжёлая, у тебя плечо сломается». Сяо Фу поднял её одной рукой и подумал, что она не легче большого меча.

Он нёс её так легко, что Линь Цзыкуй вздрогнул. Какая же у неё сила...

«Вторая госпожа, вы в павильон Цинсинь?»

«Да, я иду к тебе. Хочу посмотреть, как ты учишься».

«Всё хорошо», — Линь Цзыкуй смущённо пытался поддержать разговор. «Почему вы разговаривали с кошкой?»

«От скуки, я с ними разговариваю, а они мне отвечают. Не поверишь, если много общаться, можно их понять».

«Правда?» Глаза Линь Цзыкуя округлились.

Хотя у него было плохое зрение, его глаза не выглядели безжизненными, наоборот, они были размытыми, но очень яркими.

«Конечно, правда. Я так часто делаю. Животные — надёжные друзья, не то что люди, которые склонны к предательству». Сяо Фу понял, что сказал лишнего, и повернулся к нему: «Линь-лан ещё не обедал?»

«Нет», — сказал Линь Цзыкуй. «Мой слуга ждёт меня».

«Я велю Юанью отнести ему еду, а ты пойдёшь со мной в восточный гостевой зал. Я хочу послушать, как ты сегодня учился? Кто-то был с тобой?»

«Да. Дядя даоса Линьюаня. Перед тем как стать даосом, он был учёным. Я дал ему куриные ножки, и он занимался со мной».

Сяо Фу снова спросил: «Что он тебе читал?»

Они шли и разговаривали. Линь Цзыкуй сказал: «Сначала я ошибся. Это был даос по имени Цзэу. Я думал, он даос Линбо, и сел с ним поговорить. Он очень образованный».

«Насколько образованный?»

Линь Цзыкуй ответил: «Он очень много знает. Он проверял меня, говорил, что учёные, держащие в руках кисть, не говорят о войне, нет подходящих генералов, Северные монголы высокомерны, Южные варвары то покоряются, то снова восстают, как двору одержать победу и сохранить стабильность».

В глазах Сяо Фу мелькнуло удивление, но он не подал виду и спросил: «И что ты ответил?»

«Я, я...» Как только речь зашла об этом, Линь Цзыкуй перестал смущаться. Он замедлил темп и неторопливо рассказывал. Когда они дошли до восточного гостевого зала, он вдруг спохватился: брат Чэнь говорил, что вторая госпожа не любит всё это, и тут же замолчал.

Сяо Фу внимательно слушал, и когда рассказ прервался, он спросил: «Почему ты замолчал?»

«Это так скучно, вторая госпожа... вам, наверное, неинтересно».

«Раньше было неинтересно. Ваши учёные разговоры о войне на бумаге — это ерунда», — Сяо Фу, опираясь на стул, выругался, но потом сменил тон. «Но ты говоришь очень хорошо, и мне нравится тебя слушать. Продолжай».

Линь Цыкуй кивнул и облизнул губы. Сяо Фу заметил это, взял свою чашку и протянул ему. Линь Цыкуй неосознанно взял её и выпил, не подумав о том, что они пьют из одной чашки.

Он продолжил свой рассказ, а Сяо Фу, дослушав, кивнул: «Хорошо сказано. Ты можешь говорить о тонкостях военного дела древних полководцев».

Теперь он понял, почему старый даос с ним разговаривал. Этот человек всегда ценил таланты.

Сяо Фу: «Твои знания о военном деле, это из книг или кто-то тебя учил?»

«Из книг», — честно ответил он. «В академии в основном учат «Четыре книги» и «Пять классиков», чтобы писать багуэнь, а военной стратегии не учат».

Сяо Фу тоже догадался, что Линь Цыкуй пока находится на уровне «разговоров о войне на бумаге», но у него есть свои идеи и взгляды. Старый даос готов его слушать, а нынешний император — нет.

С таким характером и знаниями, Линь Цыкуй, попав в чиновники, столкнётся с трудностями.

Сяо Фу сказал: «У того старого даоса есть знания, и у меня тоже есть. Господин Линь, почему ты не пришёл ко мне, чтобы я помог тебе заниматься?»

«Я... приходил в час мао (5 до 7 утра), но вы спали, а ваши охранники тренировались».

Если бы она помогала ему заниматься, Линь Цыкуй переживал бы, что он будет невнимателен.

Сяо Фу замолчал, потом добавил: «Завтра приходи в час сы (с 9 до 11 утра). Я встану пораньше!»

Разве не то же самое говорил Конфуций? Он тоже так может.

«...Хорошо», — кивнул Линь Цыкуй.

Сяо Фу, под предлогом не тратить зря уголь, оставил Линь Цыкуя. Он немного позанимался с ним, но Линь Цыкуй не мог сосредоточиться. Он постоянно отвлекался, представляя, как в будущем вторая госпожа родит ему детей, и как семья будет жить в гармонии, сидя перед тазом с углем.

Он просто сел и стал читать сам.

Маркиз Сяо пошёл играть в шахматы с Цзинь Цзунем, тяжело вздыхая, и время от времени поворачивал голову, чтобы посмотреть на него. Линь Цыкуй читал так увлечённо, что ничего не замечал вокруг, прильнув лицом к книге. Он действительно погрузился в чтение.

Сяо Фу не удержался и сказал: «Ты так читаешь, это вредит твоим глазам».

«Я знаю, но если я не буду так смотреть, то не увижу эти мелкие иероглифы».

Сяо Фу: «Тогда я буду читать тебе вслух».

Линь Цзыкуй: «Но мне ещё и писать надо».

«Ты говори, а я буду писать». Сяо Фу встал и подошёл к столу. «Я тебе тушь разотру». Растирая тушь, он наблюдал, как Линь Цзыкуй пишет.

Он склонился так низко, что его кончик носа случайно испачкался тушью. Сяо Фу увидел это и не удержался: он обмакнул палец в чай и вытер ему, но как только палец коснулся его носа, Линь Цзыкуй поднял голову.

Губы Сяо Фу изогнулись в улыбке, его тёмные глаза смягчились в полуденном свете: «Там тушь. Не двигайся, я вытру».

Линь Цзыкуй покраснел: «Вторая госпожа...»

Сяо Фу нежно поглаживал его, и сердце Линь Цзыкуя стучало так же быстро и легко. Он опустил голову и подумал: «Получив такую жену, чего ещё желать».

Даже когда тушь была почти стёрта, Сяо Фу не опускал руку. С его точки зрения, Линь Цзыкуй, склонив голову, опустил глаза, и его ресницы, похожие на маленькие веера, трепетали. Кончики его ушей, выглядывающие из-под шляпы, покраснели до крови.

Его палец задержался на мгновение, а затем опустился на кончик его носа.

В этот момент в окно влетел почтовый голубь. Хлопанье его крыльев заставило Сяо Фу обернуться.

Юаньцин одной рукой поймал голубя.

«Хозяин», — Юаньцин снял с лапки голубя свёрток бумаги.

Сяо Фу пришлось убрать руку, он вышел и развернул письмо.

В нём было всего одно слово.

Очки.

Сяо Фу долго смотрел на них, а затем нахмурился: «Это что за лекарство?»

«Что за лекарство?»

Сяо Фу: «Юаньцин, посмотри».

Юаньцин взглянул.

«...Господин, это очки, очки - это не лекарство».

«Что такое очки? Я спросил у третьего брата, есть ли у него народные средства от плохого зрения, а он написал это. Что это значит?»

Юаньцин: «Несколько лет назад с Запада привезли предмет, похожий на большую монету, тонкий и прозрачный, цвета слюды. Говорят, что премьер-министр Сюэ до сих пор может писать мелкие иероглифы при свете лампы, и читать, полагаясь на этот предмет. Это очень редкая вещь, её привёз посол из Западных земель. Во всей империи, вероятно, есть всего несколько пар таких. Третий господин не дал вам народное средство, а дал дельный совет».

«Как купить эти очки? Где их купить?»

«Чтобы купить новые, нужно отправить человека на Запад, а это займёт как минимум два-три месяца туда и обратно».

Сяо Фу задумался: «У премьер-министра Сюэ есть пара, верно? Юаньцин». Он подозвал его, чтобы тот подошёл поближе.

Юаньцин наклонился, и Сяо Фу прошептал ему на ухо: «Иди в резиденцию премьер-министра и укради их для меня».

Юаньцин: «...»

Сяо Фу выглядел абсолютно невозмутимым: «С твоим мастерством никто не заметит. Сначала укради их, найди мастера, чтобы он изучил и сделал точно такие же, а потом верни их. Премьер-министр Сюэ не сможет читать какое-то время, но не умрёт. А вот если у моего Линь-лана испортятся глаза, он не сможет сдать экзамены».

Юаньцин: «...»

Линь Цзыкуй немного почитал у Сяо Фу и нечаянно услышал, что Юаньцин собирается в Цзиньлин по делам, и вдруг вспомнил: «Брат Чэнь, подождите, не могли бы вы мне помочь?»

Юаньцин, конечно, не отказал: «Господин Линь, говорите».

Линь Цзыкуй достал письмо и дал ему: «Не могли бы вы передать это письмо господину Тан Мэньяну, секретарю Зала Цзяньци? У меня там кое-что лежит, и я хотел бы... Если вам будет удобно, брат Чэнь, не могли бы вы привезти это мне?»

«Тан Мэньян?» Юаньцин засомневался, взглянув на маркиза.

Маркиз Сяо не выражал никаких эмоций.

Линь Цзыкуй тайком сунул ему маленький мешочек с серебром: «Брат Чэнь, это очень важно для меня. Если вы сможете помочь, я буду вам очень благодарен».

«Господин Линь, это всего лишь небольшая услуга, не нужно так», — Юаньцин отказался от денег и, взяв письмо, спрятал его.

После того как Линь Цзыкуй поблагодарил его, пришёл Мо Лю и сказал: «Господин, пора пить лекарство».

Хозяин и слуга вернулись в Зал Очищения Сердца. Линь Цзыкуй сел, выпил лекарство, и Мо Лю снова заботливо наложил ему на глаза повязку. Линь Цзыкуй снова стал «слепым».

Но Юаньцин ещё не покинул Храм Синчжи. Он достал письмо и спросил Сяо Фу: «Господин, мне... мне отправить это письмо?»

«Конечно, отправляй», — Сяо Фу посмотрел на него. «Ты же обещал, как можно не отправлять?»

«А... Господин, вы не хотите посмотреть?»

Сяо Фу с презрением фыркнул: «Это низко».

Юаньцин: «...»

Непонятно, кто только что заставлял его украсть очки из резиденции премьер-министра.

Однако, когда Юаньцин уже собирался отправиться в путь, маркиз Сяо снова подошёл к нему и с каменным лицом протянул руку: «Где письмо? Дай посмотреть».

—

*Цинь

—

<http://bllate.org/book/14420/1274658>